

Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы

Олег ИВАНОВ

Продолжающаяся трансформация международных отношений в сторону многополярности радикально меняет международную обстановку, эволюция которой ускорилась за последнее десятилетие, а характер стал качественно меняться. Среди всех факторов и трендов, влияющих на обстановку, особое место занимает фактор военной силы.

В Концепции внешней политики России подчёркивается: «Повышается роль фактора военной силы в международных отношениях, в ряде стратегически важных регионов расширяется конфликтное пространство» [1].

Для США военная сила остаётся неотъемлемым инструментом сохранения и укрепления своего глобального доминирования и решения конкретных, ориентированных на своих противников и союзников задач.

Ещё одной особенностью современных международных отношений является наступление нового периода, который, по определению американских политиков и экспертов, настал в 2014 г., о чём заявил государственный секретарь США Э. Блинкен: «Эра постхолодной войны закончилась» [2].

В американских официальных и экспертных оценках с 2021 г. укоренилось новое понятие «стратегическое соперничество», которое становится

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: oleg.ivanov@diplacademy.ru

Ключевые слова: стратегическое соперничество, США, Россия, Китай, американская военная сила.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>

² Remarks A.J. Blinken, Secretary of State, National Museum of American Diplomacy, Washington, D.C. April 4, 2022 // URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-the-unveiling-of-a-bronze-bust-in-honor-of-former-secretary-of-state-james-baker/>

стержнем наступающего периода международных отношений. В ежегодной разведывательной оценке США (2023 г.) констатируется: «Растущая напряжённость, подкреплённая усилением стратегического соперничества (курсив. – *Авт.*), имеет многочисленные последствия для национальной безопасности США и их партнёров» [3].

Всвязи с этим возникают вопросы: в чём суть американского видения стратегического соперничества и какова роль и место военной силы США?

Согласно американскому официальному определению, «стратегическое соперничество – это имеющая устойчивый характер и долгосрочная борьба между двумя и более противниками, преследующими несовместимые интересы и необязательно участвующими в вооружённом конфликте друг с другом» [4, р. 1].

При этом американское понимание стратегического соперничества имеет ряд особенностей.

Во-первых, как следует из определения, соперничество не сводится исключительно к вооружённому противоборству. Оно имеет и невоенный характер, что открывает самое широкое поле деятельности.

«Принципиальная цель стратегического соперничества – защита и продвижение национальных интересов США» [4, р. 7].

В целом концептуально национальные интересы Соединённых Штатов Америки делятся на три категории:

– физическая безопасность, т. е. защита граждан, территории и институтов США;

– экономическая безопасность, т. е. защита инвестиций, бизнеса и лоббирование его интересов за пределами страны;

– продвижение и защита американских ценностей и образа жизни.

В Национальной оборонной стратегии США (2022 г.) национальные интересы конкретизируются как «защита безопасности американского народа, расширение экономического процветания и возможностей; осознание и защита ценностей, лежащих в основе американского образа жизни» [5, р. 1].

Во-вторых, «стратегическое соперничество – это условие для управления, а не проблема, которую нужно решить» [4, р. 2]. Это означает, что устранить соперничество невозможно. Его нужно как минимум не проиграть, а как максимум – выиграть. Для этого необходим ряд условий, включая:

– долгосрочное планирование, выходящее за 2030 г.;

– отход от военно-политического планирования на основе общего военного потенциала противника, как

³ Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. February 6, 2023. P. 34 // URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf>

⁴ Joint Concept for Competing. Washington, D.C. February 10, 2023 // URL: <https://drive.google.com/file/d/13WAYsbN5fyF-guDZH94UwDwoR1XWwQQx/view>

⁵ National Defense Strategy of the United States of America, U.S. Department of Defense, 2022 // URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>

это было внедрено министром обороны Д. Рамсфелдом ещё в начале XXI в. [6, с. 100], и возврат к планированию на основе конкретной угрозы.

«Центральная идея этой концепции состоит в том, чтобы сместить фокус Объединённых сил в ходе стратегического соперничества от реактивных оперативных ответов к проактивным стратегическим действиям, которые поддерживают долгосрочные интересы США или подрывают усилия противника достигать свои несовместимые интересы» [4, р. 2].

Под конкретной угрозой понимается Китай, который, по американским оценкам, «не стремится нанести поражение США в непосредственном военном конфликте, который намерен сдержать военное вмешательство США и поставить Соединённые Штаты перед свершившимся фактом, который вынудит Соединённые Штаты принять стратегический исход...» [4, р. 6].

Вторая угроза – Россия, чья стратегия строится на внешнеполитической доктрине Е.М. Примакова создания полицентричного мира и военной стратегии генерала В.В. Герасимова, в основе которой лежит способность вести гибридную войну.

В-третьих, стратегическое соперничество в отличие от войн не имеет временных и пространственных границ и требует применения всех составляющих потенциала США.

Пространство соперничества включает:

– географическую составляющую (США, Латинская Америка, Европа,

Африка, Южная Азия и Индийский океан, Арктика, Центральная Азия, Ближний Восток и Восточная Азия, АТР);

– сферу противоборства (воздух, море, суша, космос и киберпространство);

– когнитивную сферу (инновации, информация, образование, идеология);

– тематическую область (насильственный экстремизм, технологии, медицина, личностная безопасность, климат, глобальные рынки, международный порядок).

В-четвёртых, это оценка американских стратегов сути победы. Победа в отдельном сражении или даже в войне не равнозначна победе в стратегическом соперничестве. Это только создаёт благоприятные условия для успеха. Основопологающим условием успеха рассматривается необходимость достижения конкурентного преимущества.

«Конкурентное преимущество может быть достигнуто путём переноса соперничества в области, где Соединённые Штаты обладают устойчивыми относительными преимуществами по сравнению с нашими противниками, так что наши действия удерживают противников в стратегической обороне или принуждают их предпринимать ответные действия, которые являются относительно дорогостоящими или контрпродуктивными для них в свете их стратегических целей» [4, р. 10].

Под такими областями понимаются высокотехнологические сферы, где США сохраняют лидерские позиции или финансовую монополию на мировую резервную валюту –

⁶ Иванов О. Военная сила в глобальной стратегии США. М.: Восток-Запад-М, 2008.

доллар. Под успехом понимается свобода действий США и выбор выгодного курса в международной политике.

«В стратегическом соперничестве успех означает сохранение свободы действий для достижения национальных интересов с приемлемым риском и терпимыми издержками, а также избегание вооружённого конфликта с противниками. Это также означает создание условий для успеха в вооружённом конфликте, если соперничество и сдерживание не смогут защитить жизненно важные национальные интересы. Провал в стратегическом соперничестве означает потерю способности или воли преследовать национальные интересы с приемлемым риском и терпимыми издержками. Конкурентные преимущества и недостатки будут меняться с течением времени, но соперничество будет продолжаться бесконечно до тех пор, пока противники не достигнут прочного политического урегулирования, не устранят коренные причины своей борьбы и не перестанут быть противниками» [4, р. 9].

В-пятых, по мнению американских стратегов, стратегическое соперничество опирается на считавшуюся многими учёными и экспертами устаревшую в современных условиях теорию баланса сил. Суть этого подхода заключается не в максимизации баланса в свою пользу, создать угрозу и тем самым спровоцировать вооружённый конфликт, и не в том, чтобы прекратить соперничество, когда получившие свою выгоду стороны добились удовлетворения. Парадоксально, но «цель состоит в том, чтобы до-

стичь динамической напряжённости, при которой все стороны смогут эффективно принять свой уровень неудовлетворённости» [4, р. 11]. И таким образом, принять создавшуюся обстановку, не прибегая к продолжению соперничества, по крайней мере, в прежнем масштабе.

Достаточно ли данного условия – весьма спорно, и на данный момент представляется только гипотезой. Более проверенным является утверждение военного теоретика К. Клаузевица, что прекращение вооружённого конфликта может настать тогда, когда дальнейшее продолжение военных действий ставит противника в ещё более невыгодное положение. Это же касается и продолжения соперничества, по крайней мере, в его крайней форме, т. е. применении вооружённого насилия.

В-шестых, вооружённым силам США предписана неоднозначная роль. Традиционно военная сила выступает в роли инструмента в руках политиков в вооружённом насилии с целью достижения военно-политических целей. Однако руководство США рассматривает возможность её применения и вне вооружённого конфликта для того, чтобы «сместить фокус стратегического соперничества в области, которые благоприятствуют интересам США или подрывают интересы противника, одновременно создавая условия для того, чтобы назначенные правительства США ведущие агентства могли эффективно достичь стратегические цели США» [4, р. 19]. В этой связи на вооружённые силы возлагаются следующие нетрадиционные задачи:

- создать такие поведенческие модели, которые скроют замысел США, когда противнику будет сложно успешно отвечать на действия;
- переместить соперничество в выгодные для США сферы;
- отвлечь внимание противника и его потенциал в сферы, имеющие периферийное значение;
- убедить других участников международных отношений присоединиться к возглавляемой США коалиции;
- воздействовать на противника таким образом, чтобы повысить его затраты, сделать его потенциал неадекватным и создать неопределённость в его уме относительно дальнейших эффективных планов и действий.

Предполагается, что такого рода задачи американские военные должны будут решать в многослойной, нелинейной, неопределённой и динамично меняющейся среде, в которой «традиционные границы между военными и гражданскими, между миром и войной, между окружающей средой и между сферами становятся всё более размытыми» [4, р. 19].

Трудно представить, как американские военные будут выполнять следующие взаимоисключающие задачи: «возможно, а иногда и необходимо, одновременно сотрудничать, соперничать и участвовать в той или иной форме вооружённого конфликта с другим национальным государством» [4, р. 19].

Таким образом, участие американских вооружённых сил в стратегическом соперничестве является их неотъемлемой миссией.

В этой связи важно также рассмотреть, как и в каких вооружённых конфликтах военная сила может применяться.

В первое десятилетие после окончания холодной войны военно-политическое руководство США ориентировалось на стратегию, предусматривающую готовность вести одновременно две локальные войны (*Major Theater War*) на двух удалённых ТВД (театр военных действий). Наиболее вероятными такими ТВД считался Ближний Восток и Северо-Восточная Азия. Предполагалось, что противник в одном из регионов воспользуется тем, что США будут вести войну в другом регионе, и постарается решить свою задачу, пользуясь моментом. Готовность США вести две локальные войны одновременно могла сыграть роль сдерживания для потенциального противника.

В начале XXI в. эта стратегия стала считаться устаревшей, и от неё отказались в пользу другой, которая строилась по новому принципу военного планирования «4–2–1». Согласно данной стратегии американские вооружённые силы должны быть нацелены на:

- «4» – «сдерживанию агрессии и принуждению в критически важных регионах» [7, р. 17]. Под такими регионами в Четырёхгодичном оборонном обзоре подразумевались Европа, Северо-Восточная Азия, Восточно-Азиатское побережье и Ближний Восток/Юго-Западная Азия;
- «2» – «быстро нанести поражение агрессору в совпадающих локальных конфликтах... включая

⁷ Quadrennial Defense Review Report, Washington D.C., September 30, 2001 // URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2001.pdf>

возможность смены режима или оккупации» [7, р. 17]. «Здесь подразумевается не просто проведение одновременно двух операций, а осуществление достаточно сложных действий по принципу *win-hold-win* («победить – задержать – победить»). Это означает, что в одном конфликте противнику наносится решительное и быстрое поражение, в то время как во втором конфликте противник задерживается до успешного завершения первого. Затем освободившиеся силы перебрасываются на новый ТВД, где также наносится поражение второму противнику» [6, с. 130];

– «1» – «президент оставляет за собой выбор отдать приказ на решительную победу в одном из этих конфликтов, включая возможность смены режима или оккупации» [7, р. 17].

В то же самое время в Национальной военной стратегии США (2011 г.) отмечается, что стремление США к сохранению своего глобального доминирования сопровождается трансформацией системы международных отношений в сторону полицентричности и более гибким отношениям. «Соединённые Штаты остаются превосходящей державой в мире, даже несмотря на то, что растущее число государственных и негосударственных субъектов демонстрируют существенное влияние. Это меняющееся распределение сил указывает на эволюцию к *многоузловому* (курсив. – Авт.) миру, характеризующемуся в большей степени изменчивыми, подвижными интересами коалициями, основанными на дипломатической,

военной и экономической мощи, чем жёсткой конкуренцией в сфере безопасности между противоборствующими блоками» [8, р. 2].

По мере накопления противоречий в отношениях между США и их союзниками, с одной стороны, и Россией, и Китаем – с другой, а также всё более явного сужения разрыва в потенциале противостоящих сторон стала меняться доктринальная установка в США по применению военной силы.

В Национальной военной стратегии США (2011 г.) заявляется: «Мы должны продолжать предотвращать нападения на Соединённые Штаты и их союзников, укреплять международную и региональную безопасность и быть готовыми сдерживать и отражать агрессию, которая может подорвать международную стабильность, в то время как мы ведём эти кампании» [8, р. 1–2].

Эта установка указывает на изменение модальности в сторону применения военной силы по формуле «1 + 0,5» войны, т. е. готовность к широкомасштабной войне в одном регионе и к сдерживанию в другом. Цель в обоих случаях – государство. Вероятно, эта формула отражала новую реальность, связанную с растущей ролью КНР и России на мировой арене. Руководство США сменило свой курс на перебалансировку (*rebalancing*) в АТР и перезагрузку (*reset*) отношений с Россией.

Согласно американской официальной оценке, в концептуальном плане предполагаемый диапазон конфликтов представлен на рис.

⁸ The National Military Strategy of the United States of America, 2011 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-D5-PURL-gpo4086/pdf/GOVPUB-D5-PURL-gpo4086.pdf>

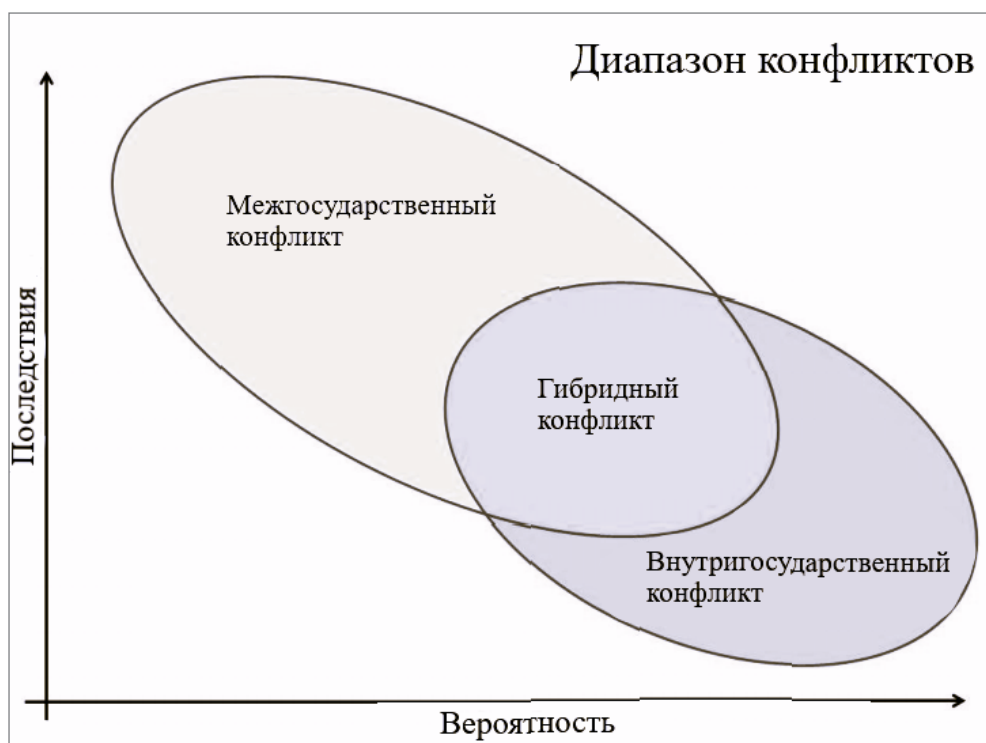

Рис. Диапазон конфликтов [9, р. 4]

Под межгосударственным конфликтом понимается «широкомасштабное применение военной силы и передовых военных технологий во всех сферах для нанесения поражения противнику. Это может включать использование ОМУ, системы запрета доступа/воспрепятствию доступа, глобальные ударные системы, подводные платформы, передовые киберинструменты и противокосмические системы наряду с другими средствами» [9, р. 4].

Весьма интересным представляется официальное понимание Пентагоном гибридного конфликта, ко-

торый является «сочетанием конвенциональных и иррегулярных сил, чтобы создать двусмысленность, захватить инициативу и парализовать противника. Может включать использование как традиционных, так и асимметричных систем» [9, р. 4].

Из этого определения следует, что конфликт не может считаться гибридным, если не применяются силы общего назначения. Это противоречит тому пониманию, которое господствует в международном дискурсе о гибридных войнах, где любое применение асимметричных

⁹ The National Military Strategy of the United States of America, Washington D.C., 2015 // URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015_National_Military_Strategy.pdf#:~:text=This%202015%20National%20Military%20Strategy,%E2%80%93%20defeat%20potential%20state%20adversaries

или иррегулярных сил и средств является уже проявлением гибридного конфликта. Как видно из приведённого выше определения, гибридность предполагает применение регулярных воинских подразделений, которые имеют свою классификацию, названия и номера и которыми любой политик или эксперт, рассуждающий на эту тему, должен оперировать в своей аргументации.

Во внутригосударственном конфликте «используются небольшие подразделения и сети для ведения подрывной антиправительственной работы и получения контроля над населением. Может включать применение самодельных взрывных устройств, лёгкого вооружения, пропаганды и террора» [9, р. 4].

Если рассматривать данный диапазон конфликтов в динамике, то Министерство обороны США ещё в 2015 г. прогнозировало смещение большей вероятности предстоящих конфликтов в сторону межгосударственных, о чём свидетельствуют и последующие официальные американские оценки. В Стратегии национальной безопасности (2022 г.) этот тезис подтверждается: «Возрастает риск конфликта между крупными державами» [10, р. 7].

В настоящее время американское видение применения военной силы является следующим: «Основываясь на Национальной оборонной стратегии 2018 г., Концепт планирования сил Национальной оборонной стратегии 2022 г. определяет количество и формирует Объединённые силы, которые временно защищают территорию

страны, обеспечивают стратегическое сдерживание, сдерживают и, если необходимо, побеждают в конфликтах. Для сдерживания авантюристической агрессии в разных местах, в то время как Соединённые Штаты вовлечены в конфликт во всех его сферах, Министерство обороны будет использовать ряд мер по снижению рисков, основанных на комплексном сдерживании. К ним относятся координация действий и вклад союзников и партнёров, сдерживающий эффект ядерного потенциала США, а также использование позиций и потенциалов, не участвующих исключительно в основных боевых действиях, например, в киберпространстве и космосе. Кроме того, Объединённые силы будут сформированы таким образом, чтобы обеспечить способность реагировать на мелкомасштабные, краткосрочные кризисы без существенного ущерба для боеготовности высокого уровня, а также для проведения кампаний, которые улучшат наши позиции и усилят сдерживание, ограничивая или срывая деятельность конкурентов, которая серьёзно затрагивает интересы США» [10, р. 17].

Таким образом, сегодня формула применения военной силы США выглядит в следующем виде:

- оборона – 1;
- сдерживание с переходом в сражение с целью победить в локальной или широкомасштабной войне – 0,5 с трансформацией в 1;
- реакция на кризисы ниже уровня локальной войны – 0,5;

¹⁰ The National Security Strategy, The White House, October, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

– кампании по усилению своих позиций и ограничению действий соперника – 0,5.

В недалёком будущем это достаточно сложная конструкция в силу меняющегося восприятия руководителями США трансформации баланса силы в мире и повышения веро-

ятности войны с Россией и КНР, а также в отказе рассматривать терроризм как серьёзную угрозу по сравнению с симметричными угрозами будет меняться в сторону:

1 (Россия) + 1 (КНР) + 0,5 (КНДР) + 0,5 (Иран).

Современная международная обстановка имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению и повышению вероятности вооружённого конфликта между ведущими державами. Исходя из этого необходимо принимать меры, чтобы стратегическое соперничество не привело к ядерному конфликту.

В Послании Федеральному собранию президент В.В. Путин отмечает: «США и НАТО прямо говорят о том, что их цель – нанести стратегическое поражение России» [11]. Такое стремление чрезвычайно опасно.

Известное со времён холодной войны правило «стреляешь первым – умираешь вторым» продолжает действовать и в настоящих условиях стратегического соперничества. Необходимо помнить, что особая ответственность лежит на ядерных государствах. Как говорится в Евангелии от Луки, «...и от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» [12].

Библиография • References

Евангелие от Луки 12:48.

[Evangelië ot Luki 12:48]

Иванов О. Военная сила в глобальной стратегии США. М.: Восток-Запад-М, 2008. – 198 с.

[Ivanov O. Voennaya sila v global'noj strategii SSHA. M.: Vostok-Zapad-M, 2008. – 198 s.]

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>

[Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu ot 21 fevralya 2023 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>]

Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>

[Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 marta 2023 g. № 229 «Ob utverzhdenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>]

¹¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 21 февраля 2023 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>

¹² Евангелие от Луки 12:48.

- Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. February 6, 2023 // URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf>
- Joint Concept for Competing. Washington, D.C. February 10, 2023 // URL: <https://drive.google.com/file/d/13WAYsbN5fyF-guDZH94UwDwoR1XWwQQx/view>
- National Defense Strategy of the United States of America, U.S. Department of Defense, 2022 // URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>
- Quadrennial Defense Review Report, Washington, D.C., September 30, 2001 // URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2001.pdf>
- Remarks A.J. Blinken, Secretary of State, National Museum of American Diplomacy, Washington, D.C. April 4, 2022 // URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-the-unveiling-of-a-bronze-bust-in-honor-of-former-secretary-of-state-james-baker/>
- The National Military Strategy of the United States of America, 2011 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-D5-PURL-gpo4086/pdf/GOVPUB-D5-PURL-gpo4086.pdf>
- The National Military Strategy of the United States of America, Washington D.C., 2015 // URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015_National_Military_Strategy.pdf#:~:text=This%202015%20National%20Military%20Strategy,%E2%80%9320defeat%20potential%20state%20adversaries
- The National Security Strategy, The White House, October, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2023 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)